

Тони Бучеру посвящается

Ich seh die liechte heide
in grüner varwe stan,
Dar suln wir alle gehen,
die sumerzeit enphahen.

Я вижу лес зеленый,
Где солнце на листве горит.
Туда пойдем встречать мы лето,
Оно нас всех манит.

Глава 1

*Друзья, мы проводим большую распродажу
и почти даром отдаем наши бесшумные
электрические Убики.*

*Да, именно за эту неправдоподобно
низкую цену.*

*Напоминаем: все выставленные на продажу
Убики необходимо использовать в строгом
соответствии с инструкцией.*

Пятого июня 1992 года в три тридцать утра с карты нью-йоркского бюро Корпорации Ранситера исчез ведущий телепат Солнечной системы. Тут же последовал шквал звонков по видеофонам. За последние два месяца организация Ранситера потеряла след слишком многих медиумов Холлиса, очередное исчезновение встревожило всех не на шутку.

— Мистер Ранситер? Простите, что беспокою. — Дежурный оператор в контрольной комнате нервно кашлянул, когда массивная взъерошенная голова Глена Ранситера заполнила экран видеофона. — Сообщение нашего инерциала. Сейчас взгляну.

Техник порылся в куче лент на столе.

— Информация мисс Дорн. Она, если помните, вела его до Грин-Ривер, штат Юта, где...

— Кого вела? — спросонья рявкнул Ранситер. — Я не могу все время держать в голове, кто каким прогностом или щупачом занимается. — Он пригладил жесткие седые волосы. — Короче, кого потеряли на этот раз?

— С. Доула Мелипона.

— Что?! Исчез Мелипон? Смеетесь надо мной?

— Я вполне серьезно, — заверил Ранситера оператор. — Эди Дорн и еще два инерциала вели его до мотеля «Полиморфных эротических ощущений». Это подземное сооружение на шестьдесят номеров, особых развлечений клиентам не предлагают, но самостоятельные люди любят уединяться там со своими шлюхами. Эди посчитала, что Мелипон тоже приехал отдохнуть, но на всякий случай вызвала нашего телепата Дж. Дж. Эшвуда, чтобы тот его прощупал. Эшвуд натолкнулся на такой запутанный узор помех вокруг сознания Мелипона, что махнул рукой и вернулся в Топеку, Канзас, где нашел для нас новое дарование.

Ранситер уже отошел ото сна; подперев подбородок ладонью, он мрачно курил, выпуская дым на сканер видеофона.

— Вы уверены, что это был действительно Мелипон? Никто ведь толком не знает, как он выглядит. Думаю, не реже чем раз в месяц он изменяет внешность. Поле замерили?

— Да, мы направили к мотелю Джо Чипа. Он снял напряженность поля. По максимуму получилось 68,2 БЛР телепатической ауры. Такое под силу только Мелипону. Мы тут же выставили на карте его опознавательный значок. А теперь он, то есть значок, исчез.

— Может, упал на пол? Свалился за карту?

— Нет, он просто погас. Человека, которого он представляет, нет на Земле и, насколько мы можем судить, в зоне колоний тоже.

— Я посоветуюсь со своей умершей женой, — сказал Ранситер.

— Сейчас ночь. В такое время все мораториумы закрыты.

— Только не в Швейцарии. — Лицо Ранситера исказила усмешка, словно какой-то отвратительный ночной флюид попал в его немолодое горло. — До свидания.

Владелец Мораториума Возлюбленных Собратьев Герберт Шонхайт фон Фогельзанг, как всегда, пришел на работу раньше своих сотрудников, когда холодное, наполненное гулким эхом здание только начинало оживать. Тем не менее у регистратуры уже томился похожий на клерка озабоченный человек

в темных очках, блейзере с муаровым воротником и остроносых желтых туфлях. В руках посетитель держал корешок квитанции об оплате вызова. Вне всякого сомнения, клерк явился проведать родственника в преддверии праздника поминовения. Да, скоро здесь начнется настоящая суматоха.

— Позвольте лично принять ваш заказ, сэр. — Герберт одарил клиента любезной улыбкой.

— Она совсем старушка, — сказал клерк. — Ей около восьмидесяти, такая маленькая и высохшая. Это моя бабушка.

— Одну минуту. — Герберт направился к морозильнику с саркофагами, нашел номер 3054039-В и сверился с контрольной карточкой.

Полужизни оставалось на пятнадцать дней. Не так уж много, отметил Герберт, машинально подсоединяя мобильный усилитель протофазонов к прозрачному пластику саркофага. Потом настроил его на необходимую для приема мозговых колебаний частоту.

Из динамика донесся слабый голос:

— ...а потом Тилли растянула лодыжку. Мы думали, она вообще не встанет, а она тут же попыталась ходить, такая глупость...

Удовлетворенный, Герберт отсоединил усилитель и распорядился доставить номер 3054039-В в переговорную, где клиент всту-

пит со старухой в непосредственный контакт.

— Вы ее проверили? — на всякий случай поинтересовался посетитель.

— Лично, — заверил его фон Фогельзанг. — Связь превосходная. — Он несколько раз щелкнул переключателями и отошел в сторону. — Счастливого Дня поминовения, сэр.

— Благодарю вас.

От ледяной оболочки саркофага поднимался легкий пар.

Посетитель занял свое место, надел наушники и отчетливо проговорил в микрофон:

— Флора, дорогая, ты слышишь меня? Помоему, я тебя уже слышу. Флора?

«Перед смертью, — подумал Герберт Шонхайт фон Фогельзанг, — оставлю завещание оживлять меня раз в сто лет. Так я смогу проследить за судьбой человечества. Потомкам это, конечно, влетит в огромную сумму...» Герберт знал, чем все закончится. Рано или поздно они взбунтуются, вытащат его тело из замороженного саркофага и... не приведи, конечно, бог, предадут земле.

— Предание земле — это варварство, — пробормотал вслух Герберт. — Рецидив первобытной культуры.

— Совершенно верно, сэр, — откликнулась из-за пишущей машинки секретарша.

В переговорной уже находилось несколько посетителей. Каждый занял место перед своим саркофагом. В священной, торжественной обстановке шло общение живых с ушедшими в полужизнь родственниками. Зрелище успокаивало. Живые хранили верность и регулярно воздавали дань неживым, приносили им вести из внешнего мира, скрашивали редкие минуты церебральной активности. И... исправно платили Герберту Шонхайту фон Фогельзангу. Содержать мораториум было прибыльным делом.

— Что-то мой отец сегодня слабоват, — обратился к Герберту молодой посетитель. — Не могли бы вы уделить немного времени и проверить его? Я был бы вам очень благодарен.

— Конечно, — кивнул Герберт, следуя за клиентом к саркофагу с почившим родственником.

Судя по контрольной табличке, полужизни оставалось всего на несколько дней, из-за чего связь с мозгом и была столь слабой. И все же... Герберт повернул ручку усилителя протофазонов, и голос полуживого в наушниках несколько окреп.

«Он почти кончился», — подумал Герберт. Сын явно старался не смотреть на табличку, указывающую, что контакты с отцом завершаются.

Ничего не сказав, владелец мораториума отошел, предоставив им общаться дальше. Стоит ли говорить молодому человеку, что это, может быть, его последний визит сюда? Он и так это скоро поймет.

К задним воротам мораториума подкатил фургон, двое служащих в бледно-голубых комбинезонах прыгнули на землю. Герберт хорошо знал фирму «Атлас Интерплан — хранение и доставка». Наверное, привезли только что умершего или забирают полуживого, чье время истекло.

Он неторопливо направился в их сторону, чтобы все выяснить, когда подбежала секретарша.

— Простите, герр Фогельзанг, что прерываю ваши размышления, но здесь клиент, он настаивает, чтобы вы лично помогли реактивировать его супругу. — С особой интонацией она закончила: — Это мистер Глен Ранситер, только что прибыл из Североамериканской Конфедерации.

Навстречу Герберту уже шел упругой походкой высокий пожилой человек с крупными руками и живым взглядом. На нем был разноцветный немнущийся костюм, вязаный жилет и яркий галстук. Наклонив вперед крупную, как у кота, голову, он вглядывался в Герберта слегка выпуклыми, теплыми и очень умными глазами. Лицо Ранситера вы-

ражало профессиональную приветливость и внимание, на мгновение он одарил ими Фогельзанга, но уже в следующую минуту смотрел сквозь него, увлеченный предстоящим делом.

— Как Элла? — прогудел Ранситер. Кажется, что голос его усиливается электронными устройствами. — Надо ее расшевелить. Ей всего двадцать, она должна быть в лучшей форме, чем вы или я.

Он захохотал, но прозвучало это как-то неуместно. Ранситер постоянно улыбался и хохотал, голос его всегда гудел, хотя на самом деле он никого не замечал и никем не интересовался. Это его внешняя оболочка улыбалась, кивала и подавала руку.

Ничто не тревожило недосыгаемого сознания Ранситера. Не обращая больше на Герберта особого внимания, он потащил его за собой к морозильнику, где среди прочих полуживых находилась и его жена.

— Давненько вы у нас не бывали, мистер Ранситер, — заметил Герберт, пытаясь припомнить, сколько полужизни оставалось у Эллы по контрольной таблице.

Подталкивая Герберта широченной лапой, Ранситер прогудел:

— Наступил очень важный момент, фон Фогельзанг. Мы, то есть я и мои помощники, столкнулись с проблемой, не поддающейся

рациональному объяснению. Большого я на данном этапе рассказать не могу, но дело видится нам весьма мрачным, хотя и не безнадежным. Отчаиваться мы не собираемся при любом раскладе. Где Элла? — Он остановился и нетерпеливо огляделся.

— Ее немедленно доставят в переговорную, — ответил Герберт.

Как правило, посетители вообще не допускались в морозильник.

— У вас есть квитанция с номером?

— Ну конечно, нет! Я давно ее потерял. Вы знаете мою жену и найдете ее и так. Элла Ранситер, двадцать лет. — Ранситер нетерпеливо огляделся. — Хорошо, где тут у вас переговорная? Надеюсь, ее-то не придется искать?

— Проводите мистера Ранситера в переговорную, — приказал Герберт сотруднику, крутившемуся поблизости, явно желая получше разглядеть всемирно известного главу крупнейшей защитной организации.

Заглянув в комнату, Ранситер поморщился:

— Да здесь полно людей! Я не могу разговаривать с Эллой в таких условиях. — Он догнал Герберта, направившегося было в архив. — Мистер Фогельзанг. — Огромная лапа снова легла на плечо владельца мораториума, и Герберт ощутил всю ее тяжесть и убедил-